

Шопенгауер Артур

**Мир как воля и
представление**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А86

А86 **Артур Ш.**
Мир как воля и представление: Том 1 / Шопенгауер Артур – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 576 с.

ISBN 978-5-521-31472-0

ISBN 978-5-521-31472-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

хода всего изложенія. Вотъ первое и, подобно слѣдующимъ, неизбѣжное требованіе, предъявляемое неблагосклонному читателю (неблагосклонному къ философу, потому что читатель самъ — философъ).

Второе требованіе состоитъ въ томъ, чтобы до этой книги было прочитано введеніе къ ней, хотя оно и не находится въ ней самой, а появилось пятью годами раньше, подъ заглавіемъ: «О четвероякомъ корнѣ закона достаточнаго основанія; философское разсужденіе». Безъ знакомства съ этимъ введеніемъ и пропедевтикой рѣшительно невозможно правильно понять настоящее произведеніе, и содержаніе названнаго трактата здѣсь повсюду настолько предполагается, какъ если бы онъ находился въ самой книгѣ. Впрочемъ, если бы онъ не появился раньше ея на нѣсколько лѣтъ, онъ не открывалъ бы моего главнаго произведенія въ качествѣ вступленія, а былъ бы органически введенъ въ его первую книгу, которая теперь, въ виду отсутствія въ ней сказаннаго въ упомянутомъ трактатѣ, представляетъ извѣстное несовершенство уже этимъ пробѣломъ и постоянно должна восполнять его ссылками на Четвероякій корень. Однако списывать у самого себя или кропотливо пересказывать уже раньше достаточно высказанное мнѣ было столь противно, что я предпочелъ этотъ путь, несмотря даже на то, что я могъ бы дать теперь содержанію своего ранняго трактата нѣсколько лучшей видъ и очистить его отъ нѣкоторыхъ понятій, вытекавшихъ изъ моего тогдашняго чрезмѣрнаго увлеченія кантовской философіей, — каковы, напримѣръ, категоріи, внѣшнее и внутреннее чувство и т. д. Впрочемъ, и тамъ эти понятія находятся еще только потому, что я до тѣхъ поръ собственно никогда далеко не заходилъ съ ними; они поэтому играютъ побочную роль и совсѣмъ не касаются главнаго предмета; вотъ почему исправленіе такихъ мѣстъ въ указанномъ разсужденіи само собою совершится въ мысляхъ читателя, благодаря знакомству съ Міромъ, какъ волей и представленіемъ. Но только въ томъ случаѣ, если изъ моего трактата О четвероякомъ корнѣ будетъ вполне понято, что такое законъ основанія и что онъ означаетъ, на что распространяется и на что не распространяется его сила; если будетъ понято, что этотъ законъ не существуетъ прежде всѣхъ вещей и что весь міръ не является лишь вслѣдствіе и въ силу него, словно его короларій, а что наоборотъ законъ основанія не болѣе, какъ форма, въ которой всюду узнается постоянно обусловленный субъектомъ объектъ, какого бы рода онъ ни былъ, поскольку субъектъ служить познающимъ индивидуумомъ, — только въ этомъ случаѣ будетъ возможно приступить къ впервые испробованному здѣсь, совершенно отличному отъ существовавшихъ доселѣ, методу философствованія.

Но то же отвращеніе къ буквальному списыванію у самого себя или же къ пересказу прежняго другими и худшими словами—ибо лучшія я самъ у себя предвосхитилъ,—обусловило еще и другой пробыль въ первой книгѣ этого произведенія: именно, я опустилъ все то, что сказано въ первой главѣ моего трактата «О зрѣніи и цвѣтахъ» и что иначе дословно нашло бы себѣ здѣсь мѣсто. Слѣдовательно, знакомство и съ этимъ прежнимъ небольшимъ сочиненіемъ тоже здѣсь предполагается.

Наконецъ, третье требованіе къ читателю могло бы даже безмолвно подразумѣваться само собой: ибо это не что иное, какъ знакомство съ самымъ важнымъ явленіемъ, которое только знаетъ философія въ теченіе двухъ тысячелѣтій и которое такъ близко къ намъ: я имѣю въ виду главныя произведенія Канта. Вліяніе, которое они оказываютъ на умъ того, кто ихъ дѣйствительно воспринимаетъ, можно сравнить, какъ это уже и дѣлали, со снятіемъ катаракты у слѣпого. И если продолжить это сравненіе, то мой замыселъ надо охарактеризовать такъ: тѣмъ, для кого названная операція была удачна, я хотѣлъ вручить соотвѣтственные очки; необходимымъ условіемъ для пользованія ими является такимъ образомъ самая эта операція. Хотя поэтому моимъ исходнымъ пунктомъ и служить всецѣло то, что высказалъ великій Кантъ, ~~но именно серьезное изученіе его твореній позволило мнѣ найти въ нихъ значительныя ошибки, которыя я долженъ былъ выдѣлать и отвергнуть~~, для того чтобы, очищенное отъ нихъ, его ученіе могло затѣмъ служить мнѣ основой и опорой во всей своей истинѣ и красотѣ. Но чтобы не прерывать и не запутывать своего собственного изложенія частой полемикой противъ Канта, я отнесъ ее въ спеціальное приложеніе. Поэтому, насколько, въ виду сказаннаго, моя книга предполагаетъ знакомство съ философіей Канта, настолько же требуетъ она знакомства и съ этимъ приложеніемъ; вотъ почему можно было бы посоветовать прочесть сначала приложеніе, — тѣмъ болѣе, что по своему содержанію оно тѣсно примыкаетъ именно къ первому отдѣлу настоящаго труда. Но, съ другой стороны, по самому существованію предмета нельзя было избѣгнуть и того, чтобы и приложеніе тамъ и здѣсь не ссылалось на самое сочиненіе. Отсюда слѣдуетъ только то, что и приложеніе, какъ и главная часть книги, должно быть прочитано дважды.

Такимъ образомъ, философія Канта—единственная, основательное знакомство съ которой предполагается въ настоящемъ изложеніи. Но если, сверхъ того, читатель проведетъ еще нѣкоторое время въ школѣ божественнаго Платона, то онъ тѣмъ лучше будетъ подготовленъ и воспримчивъ къ моей рѣчи. А если онъ еще прича-

стенъ и къ благодати *Ведь*, доступъ къ которымъ, открытый Упанишадами, является въ моихъ глазахъ величайшимъ преимуществомъ, какое можетъ указать наше юное еще столѣтіе сравнительно съ предыдущими,—ибо я убѣжденъ, что вліяніе санскритской литературы будетъ не менѣе глубоко, чѣмъ въ XV вѣкѣ было возрожденіе греческой,—если, говорю я, читатель сподобился еще древней индуской мудрости и чутко воспринялъ ее, то онъ лучше всего подготовленъ слушать то, что я ему повѣдаю. Для него тогда оно не будетъ, какъ для многихъ другихъ, звучать чуждо или враждебно; ибо — если бы это не казалось слишкомъ горделиво, я сказалъ бы, что каждое изъ отдѣльныхъ и отрывочныхъ изреченій, составляющихъ содержаніе Упанишадъ, можно вывести какъ слѣдствіе изъ предстоящей моему изложенію мысли,—хотя, наоборотъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя найти ея въ нихъ.

Но большинство читателей уже потеряли терпѣніе, и у нихъ вырывается наконецъ упрекъ, отъ котораго они такъ долго и съ трудомъ удерживались: какъ смѣю я предлагать публикѣ книгу подъ условіями и требованіями, изъ которыхъ первая два высокомѣрны и нескромны,—и это въ такое время, когда всеобщее изобиліе самобытныхъ идей столь велико, что въ одной Германіи онѣ ежегодно становятся, благодаря книгопечатанію, общимъ достояніемъ въ количествѣ трехъ тысячъ содержательныхъ, оригинальныхъ и совершенно незамѣнимыхъ произведеній и, сверхъ того, безчисленныхъ періодическихъ журналовъ и даже ежедневныхъ газетъ; въ такое время, когда особенно нѣтъ ни малѣйшаго недостатка въ своеобразныхъ и глубокихъ философахъ, когда, напротивъ, въ одной Германіи ихъ одновременно процвѣтаетъ больше, чѣмъ могутъ указать нѣсколько столѣтій подъ рядъ? Какъ же тутъ, спрашиваетъ разгнѣванный читатель, исчерпать все, если къ каждой книгѣ приступать съ такой подготовкой?

Я рѣшительно ничего не могу возразить противъ этихъ упрековъ и надѣюсь лишь на нѣкоторую благодарность со стороны такихъ читателей за то, что я заблаговременно предупредилъ ихъ не терять и часа надъ книгой, чтеніе которой не можетъ быть плодотворно, если не выполнены сдѣланные требованія, и которую поэтому лучше совсѣмъ оставить. Къ тому же можно смѣло поручиться, что она вообще не понравилась бы имъ, что она всегда будетъ служить только для *raisonnement* *humain* и поэтому должна спокойно и скромно дожидаться тѣхъ немногихъ, чье необычное мышленіе найдетъ ее для себя желанной. Ибо даже оставляя въ сторонѣ подготовку и напряженіе, которыхъ она требуетъ отъ своего

читателя, — кто же изъ образованныхъ людей нашего времени, когда наука приблизилась къ той прекрасной точкѣ, гдѣ парадоксъ совершенно отождествляется съ ложью, кто же рѣшится почти на каждой страницѣ встрѣчать мысли, прямо противорѣчащія тому, что онъ разъ на всегда призналъ окончательной истиной? И затѣмъ, какъ непріятно разочарованы были бы инныя лица, не найдя здѣсь и рѣчи о томъ, чего именно здѣсь, по ихъ крайнему убѣжденію, и слѣдовало искать, ибо образъ ихъ спекулятивнаго мышленія совпадаетъ съ умозрѣніемъ одного еще здравствующаго великаго философа *), который написалъ по истинѣ трогательныя книги и имѣетъ только маленькую слабость: все то, что онъ выучилъ и одобрилъ до пятнадцатаго года своей жизни, онъ считаетъ врожденными основными идеями человѣческаго духа. Кто бы вытерпѣлъ все это? И потому я опять совѣтую отложить книгу въ сторону.

Но я боюсь, что и такъ не отдѣлаюсь. Читатель, дошедшій до предисловія, которое его отвергаетъ, купилъ книгу на наличныя деньги, и онъ спрашиваетъ, какъ ему возмѣститъ убытокъ. Мое послѣднее средство защиты — это напомнить ему, что онъ властенъ, и не читая книги, сдѣлать изъ нея то или другое употребленіе. Она, какъ и многія другія, можетъ заполнить пустое мѣсто въ его библіотекѣ, гдѣ, аккуратно переплетенная, несомнѣнно будетъ имѣть красивый видъ. Или онъ можетъ возложить ее на туалетный или чайный столъ своей ученой пріятельницы. Или наконецъ — это самое лучшее и я ему особенно это совѣтую — онъ можетъ написать на нее рецензію.

А теперь, позволивъ себѣ шутку, для которой въ нашей сплошь двусмысленной жизни едва ли можетъ быть слишкомъ серьезна какая бы то ни была страница, я съ глубокой серьезностью посылаю въ міръ свою книгу — въ упованіи, что рано или поздно она дойдетъ до тѣхъ, кому единственно и предназначается; и я спокойно покоряюсь тому, что и ее въ полной мѣрѣ постигнетъ та же участь, которая въ каждомъ познаніи, и тѣмъ болѣе въ самомъ важномъ, всегда выпадала на долю истины: ей суждено лишь краткое побѣдное торжество между двумя долгими промежутками времени, когда ее отвергаютъ какъ парадоксъ и когда ея пренебрегаютъ какъ тривіальностью. И первый удѣлъ обыкновенно раздѣляетъ съ нею ея зачинатель. Но жизнь коротка, а истина вліяетъ далеко и живетъ долго: будемъ говорить истину.

Дрезденъ, августъ, 1818.

*) Ф. Г. Якоби.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Не современникамъ, не соотечественникамъ — человѣчеству передаю я нынѣ законченный трудъ свой, въ упованіи, что онъ не будетъ для него бесполезенъ, хотя бы цѣнность его была признана поздно: таковъ вездѣ жребій всего достойнаго. Ибо только для человѣчества, не для мимолетнаго поколѣнія, занятаго своей недолговѣчной мечтой, могла моя голова, почти противъ моей воли, въ теченіе долгой жизни непрерывно продолжать свою работу. Недостатокъ сочувствія къ послѣдней за это время не могъ затмить передо мною ея достоинства, ибо я безпрестанно видѣлъ, какъ лживое, дурное и, наконецъ, нелѣпое и безсмысленное *) пользовалось всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ; и я думалъ: если бы тѣ, кто способенъ узнавать подлинное и истинное, не были такъ рѣдки, что можно въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ тщетно искать ихъ своими взорами, то и тѣхъ, кто въ состояніи творить подлинное и истинное, не было бы такъ мало, чтобы ихъ созданія могли въ послѣдствіи составить исключеніе изъ тлѣнности земныхъ вещей, — иначе потеряна была бы живительная надежда на потомство, въ которой для собственной поддержки нуждается всякій, кто поставилъ себѣ возвышенную цѣль. И тотъ, кто серьезно замышляетъ и творить дѣло, которое не ведетъ къ матеріальной пользѣ, никогда не долженъ рассчитывать на сочувствіе современниковъ. Зато, въ большинствѣ случаевъ, онъ увидитъ, что самозванная вѣщность такого дѣла имѣетъ между тѣмъ значеніе въ мірѣ и пользуется текущимъ днемъ: и это въ порядкѣ вещей. Ибо само подлинное дѣло и цѣлью своею должно имѣть само себя: иначе оно не можетъ быть успешно, такъ какъ всюду каждый посторонній умыселъ грозитъ опасностью мысли. Вотъ почему, какъ объ этомъ постоянно свидѣтельствуетъ исторія литературы, все достойное требовало для своего признанія много времени, въ особенности если оно принад-

*) Гегелевская философія.

лежало къ поучительному, а не къ занимательному роду; покаместъ же процвѣтало ложное. Ибо соединить дѣйствительное дѣло съ видимостью дѣла трудно, если не невозможно. Именно въ томъ и заключается проклятіе нашего міра нужды и потребностей, что имъ все должно служить и поработаться: поэтому онъ и не созданъ такъ, чтобы благородныя и возвышенныя стремленія, какимъ является стремленіе къ свѣту истины, могли въ немъ безпрепятственно процвѣтать и довлѣть себѣ. И если даже иной разъ такое стремленіе сумѣетъ завоевать себѣ силу и этимъ будетъ введено понятіе о немъ, то сейчасъ же и имъ овладѣютъ матеріальные интересы, личные цѣли, для того чтобы сдѣлать изъ него свое орудіе или свою маску. Вотъ почему, послѣ того какъ Кантъ снова доставилъ философіи уваженіе, даже и она вскорѣ должна была стать орудіемъ цѣлей — государственныхъ сверху, личныхъ снизу: впрочемъ, говоря точнѣе, не она сама, а ея двойникъ, который сходитъ за нее. И это не должно насъ удивлять, ибо невѣроятно-преобладающее большинство людей по своей природѣ рѣшительно не способны къ какимъ-нибудь инымъ цѣлямъ, кромѣ матеріальныхъ, и даже не могутъ понимать другихъ. Поэтому стремленіе къ одной истинѣ слишкомъ высоко и эксцентрично, для того чтобы можно было ожидать, будто всѣ, будто многіе, будто нѣкоторые даже искренне примутъ въ немъ участіе. Если же мы все-таки иногда замѣчаемъ (какъ, напримѣръ, нынѣ въ Германіи) поразительное оживленіе, всеобщія хлопоты, писанія и рѣчи, посвященныя философіи, то можно смѣло предположить, что дѣйствительное *primus mobile*, скрытая пружина такого движенія, несмотря на всѣ торжественныя фізіономіи и увѣренія, лежитъ исключительно въ реальныхъ, а не идеальныхъ цѣляхъ; что здѣсь имѣются въ виду личные, служебные, церковные, государственные, короче — матеріальные интересы; что, слѣдовательно, только партійные замыслы приводятъ въ столь сильное движеніе многочисленныя перья мнимыхъ мудрецовъ и что путеводной звѣздой для этихъ шумливыхъ господъ служатъ умыслы, а не мысли, — и ужъ навѣрное меньше всего при этомъ думаютъ они объ истинѣ. Она не находитъ себѣ сторонниковъ: напротивъ, среди этой философской сутолоки она можетъ такъ же спокойно и незамѣтно проходить свой путь, какъ и въ зимнюю ночь самаго мрачнаго и закоснѣлаго въ церковной вѣрѣ столѣтія, когда она какъ тайное ученіе передается лишь немногимъ адептамъ или даже довѣряется только пергаменту. Я рѣшаюсь даже сказать, что ни одна эпоха не можетъ быть болѣе неблагоприятна для философіи, чѣмъ та, когда ея позорно злоупотребляютъ, дѣлая изъ нея, съ одной стороны, орудіе государства, а съ другой — сред-

ство наживы. Или, быть можетъ, думаютъ, что при такихъ стремленіяхъ и въ подобной суетѣ между прочимъ, случайно появится на свѣтъ и истина, хотя на нее вовсе не рассчитывали? Нѣтъ, истина не продажная женщина, кидающаяся на шею тѣмъ, кто ея не хочетъ: напротивъ, она—столь недоступная красавица, что даже тотъ, кто жертвуетъ ей всѣмъ, еще не можетъ быть увѣренъ въ ея благосклонности.

И если правительства дѣлаютъ философію средствомъ для своихъ государственныхъ цѣлей, то ученые, съ другой стороны, видятъ въ философскихъ профессурахъ ремесло, которое, какъ и всякое другое, даетъ кусокъ хлѣба; они и стремятся къ нимъ, ручаясь за свою благонамѣренность, т. е. за свою готовность служить указаннымъ цѣлямъ. И они держатъ слово: не истина, не ясность, не Платонъ, не Аристотель, а тѣ цѣли, на службу которымъ они наняты, — вотъ что является ихъ путеводной звѣздой, а затѣмъ и мѣриломъ для распознаванія истиннаго, достойнаго, замѣчательнаго и ихъ противоположности. Поэтому то, что не соответствуетъ подобнымъ цѣлямъ, хотя бы это было самое важное и выдающееся въ ихъ специальности, они либо осуждаютъ, либо, если это кажется опаснымъ, заглушаютъ стачкой пренебреженія. Посмотрите, съ какими единодушнымъ усердіемъ возстаютъ они противъ пантеизма: неужели какой-нибудь глупецъ подумаетъ, что это исходитъ изъ убѣжденія? Да развѣ вообще философія, унижаемая до степени хлѣбнаго ремесла, можетъ не выродиться въ софистику? Именно потому, что это неизбѣжно и правило «чей хлѣбъ ѣмъ, того и пѣсенку пою» уже издавна было всесильно, — именно поэтому зарабатывать философіей деньги было у древнихъ признакомъ софиста. Но къ этому присоединяется еще и то, что такъ какъ въ этомъ мірѣ всюду только посредственность готова къ услугамъ и, кромѣ нея, ничего нельзя требовать и покупать за деньги, то надо и здѣсь довольствоваться ею. Вотъ почему мы и видимъ, что во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ милая посредственность изо всѣхъ силъ хлопочетъ собственными средствами создать еще не существующую философію и притомъ по предписанной мѣркѣ и для предписанной цѣли, — зрѣлище, надъ которымъ глумиться было бы почти жестоко.

И вотъ въ то время, какъ философія уже давно принуждена была вполне служить средствомъ, съ одной стороны, для официальныхъ, а съ другой—для частныхъ цѣлей, я, не смущаясь этимъ, свыше тридцати лѣтъ слѣдовалъ теченію своихъ мыслей — тоже только потому, что я долженъ былъ это дѣлать и иначе не могъ по какому-то инстинктивному влеченію. Оно, правда, находило себѣ опору въ увѣренности, что то истинное, которое кто-нибудь мы-

слиль, и скрытое, которое онъ освѣтилъ, все же будетъ нѣкогда воспринято другимъ мыслящимъ духомъ, будетъ близко ему, будетъ радовать и утѣшать его: для такого человѣка звучитъ наша рѣчь, какъ и намъ подобныя для насъ говорили и потому сдѣлались нашимъ утѣшеніемъ въ этой жизненной пустынѣ. Пока же мы совершаемъ свое дѣло ради него самого и для самихъ себя. Но въ философскихъ размышленіяхъ именно то только, что каждый продумалъ и изслѣдовалъ для себя самого, впоследствии удивительнымъ образомъ идетъ въ прокъ и другимъ,—а не то, что уже съ самаго начала было предназначено для другихъ. Первое имѣетъ своимъ признакомъ прежде всего безусловную честность: вѣдь самихъ себя мы не стараемся обманывать и самимъ себѣ не даримъ пустыхъ орѣховъ; вотъ почему всякая софистика и всякое словоизверженіе отпадаютъ, и каждый написанный періодъ сейчасъ же вознаграждаетъ тѣ усилія, которыхъ потребовало его прочтеніе. И вотъ почему мои творенія такъ явно носятъ на своемъ челѣ печать честности и искренности, что они уже однимъ этимъ рѣзко отличаются отъ произведеній трехъ знаменитыхъ софистовъ послѣ-кантовскаго періода: меня постоянно находятъ на точкѣ зрѣнія *рефлексии*, т. е. разумнаго обсужденія и честнаго изложенія, и никогда не находятъ на пути *инспирации*, именуемой интеллектуальнымъ воззрѣніемъ, или абсолютнымъ мышленіемъ (дѣйствительное же имя ея—пустозвонство и шарлатанство). Работая въ этомъ духѣ и непрерывно замѣчая, какъ ложное и дурное пользуется всеобщимъ признаніемъ, какъ пустозвонство *) и шарлатанство **) пользуются крайнимъ уваженіемъ, я давно уже отказался отъ одобренія своихъ современниковъ. Невозможно, чтобы то современное общество, которое въ теченіе двадцати лѣтъ возглашало величайшимъ изъ философовъ какого-то Гегеля, этого умственного калибана, и возглашало такъ громко, что эхо звучало по всей Европѣ,—невозможно, чтобы оно соблазняло своимъ одобреніемъ того, кто это наблюдалъ. Оно больше не имѣетъ для раздачи почетныхъ вѣнковъ: его хвала продажна и его порицаніе ничего не значить. Что я говорю это искренне, видно изъ слѣдующаго: если бы я хоть нѣсколько стремился къ одобренію со стороны своихъ современниковъ, я долженъ былъ бы вычеркнуть двадцать мѣстъ, которыя несомнѣнно отъ начала до конца противорѣчатъ ихъ воззрѣніямъ и отчасти даже для нихъ оскорбительны. Но я счелъ бы преступленіемъ съ своей стороны пожертвовать ради этого одобренія хотя бы однимъ слогомъ. Моей

*) Фихте и Шеллингъ.

**) Гегель.

путеводной звѣздой дѣйствительно была истина: слѣдуя за нею, я имѣлъ право думать прежде всего только о своемъ собственномъ одобреніи; я совершенно отвернулся отъ явѣка, который по отношенію ко всѣмъ высшимъ стремленіямъ духа глубоко палъ, и отъ деморализованной, за нѣкоторыми исключеніями, національной литературы, въ которой искусство связывать возвышенныя слова съ низменными побужденіями достигло своего апогея. Конечно, недостатковъ и слабостей, необходимо вытекающихъ изъ моей природы, какъ это свойственно всѣмъ людямъ, я никогда не избѣгну; но я не буду ихъ увеличивать недостойнымъ приспособленіемъ къ обстоятельствамъ.

По поводу этого второго изданія я радуюсь прежде всего тому, что послѣ двадцатипятилѣтняго промежутка я не долженъ ничего брать назадъ и такимъ образомъ мои основныя убѣжденія, по крайней мѣрѣ, для меня самого, вполне подтвердились. Измѣненія перваго тома, который одинъ и содержитъ въ себѣ текстъ перваго изданія, нигдѣ поэтому не затрогиваютъ существа дѣла, а касаются только второстепенныхъ вещей или, главнымъ образомъ, состоятъ въ краткихъ пояснительныхъ добавленіяхъ, приложенныхъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ. Только критика кантовской философіи подверглась значительнымъ исправленіямъ и обстоятельнымъ вставкамъ, потому что ихъ нельзя было собрать въ одну дополнительную книгу, какъ я это сдѣлалъ во второмъ томѣ для каждой изъ четырехъ книгъ, излагающихъ мое собственное ученіе. Для послѣднихъ я избралъ такую форму дополненія и исправленія потому, что въ то двадцатипятилѣтіе, которое протекло съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ написалъ, форма и тонъ моего изложенія очень замѣтно измѣнились, и поэтому было бы неудобно сливать въ одно цѣлое содержаніе второго тома съ содержаніемъ перваго; отъ такого соединенія пострадали бы оба. Вотъ почему я издаю обѣ работы отдѣльно и въ своемъ прежнемъ изложеніи ничего не измѣнилъ даже тамъ, гдѣ я теперь выразился бы совершенно иначе: я боялся придирчивой критикой старости испортить работу моихъ юныхъ лѣтъ. То, что въ этомъ отношеніи требуетъ поправки, само собою возстановится въ умѣ читателя съ помощью второго тома. Оба тома, въ полномъ смыслѣ слова, служатъ дополненіемъ другъ къ другу,—именно по той же причинѣ, по какой одинъ возрастъ чловѣка является въ интеллектуальномъ отношеніи дополненіемъ другого; вотъ почему не только каждый томъ содержитъ то, чего нѣтъ въ другомъ, но и преимущества одного представляютъ собою именно то, чего не достаетъ другому. Поэтому, если первая половина моего произведенія имѣетъ сравнительно съ другой тѣ достоинства, кото-

рыя присущи только огню молодости и энергіи первой концепціи, то, съ другой стороны, вторая половина превосходитъ первую тою зрѣлостью и совершенною переработкой мыслей, которая достается въ удѣлъ исключительно плодамъ долгой жизни и ея труда. Ибо когда я былъ въ силахъ первоначально охватить основную мысль своей системы, непосредственно прослѣдить ее въ четырехъ ея развѣтвленіяхъ, вернуться отъ нихъ къ единству ихъ корня и затѣмъ ясно представить цѣлое, тогда я не могъ еще переработать всѣ части системы съ тою законченностью, глубиной и основательностью, которыя достигаются лишь многолѣтнимъ размышленіемъ надъ нею, — необходимымъ для того, чтобы испытать и выяснить ее на безчисленныхъ фактахъ, обосновать ее самыми разнообразными доказательствами, ярко освѣтить ее со всѣхъ сторонъ, смѣло противопоставить ей контрастъ иныхъ точекъ зрѣнія, тщательно выдѣлать въ ней разные элементы и изложить ихъ въ стройномъ порядкѣ. Поэтому, хотя читателю, разумѣется, было бы пріятнѣе имѣть мое произведеніе въ цѣльномъ видѣ, а не въ двухъ половинахъ, которыя при чтеніи надо соединять, — но да приметъ онъ во вниманіе, что для этого я въ теченіе одной жизненной поры долженъ былъ бы совершить возможное только для двухъ, такъ какъ мнѣ надо было бы обладать въ одномъ и томъ же возрастѣ жизни тѣми качествами, которыя природа распредѣлила между двумя совершенно различными. Такимъ образомъ, изложить мое произведеніе въ двухъ дополняющихъ одна другую половинахъ было такъ же необходимо, какъ, въ виду невозможности изготовить ахроматическій объективъ изъ одного куска, его необходимо составлять изъ выпуклаго стекла, флинтглаза, и вогнутаго стекла, кронглаза, — и только ихъ соединенное дѣйствіе достигаетъ цѣли. Съ другой стороны, неудобство одновременнаго пользованія двумя томами будетъ нѣсколько возмѣщено для читателя разнообразіемъ и отдыхомъ, которые влечетъ за собою обсужденіе одного и того же предмета, одной и той же головою, въ одномъ и томъ же духѣ, но въ очень различные годы. Однако для того, кто еще не знакомъ съ моей философіей, было бы очень полезно прочитать сначала первый томъ, не заглядывая въ дополненія; ими же слѣдуетъ пользоваться только при второмъ чтеніи: иначе трудно будетъ охватить систему въ ея связи, т. е. какъ она изложена лишь въ первомъ томѣ, — между тѣмъ какъ во второмъ дается болѣе подробное обоснованіе и полное развитіе главныхъ ученій въ отдѣльности. Даже тотъ, кто не рѣшится вторично прочесть первый томъ, сдѣлаетъ лучше, если прочтетъ второй лишь послѣ перваго и какъ самостоятельный, въ прямомъ порядкѣ его главъ; послѣднія, конечно, находятся въ